

хотя несомненные эти и незначительны².

Все средства (и обязательные, и черемные, факультативные) челобитных определялись основной целью, которую выполняли эти документы, и имели ярко выраженную эмоционально-экспрессивную окраску — были призваны воздействовать на чувства тех, кому была адресована челобитная. Без этих средств челобитная просто не мыслилась.

Лексика и фразеология челобитных XVII в. относится к активному фонду словарного состава русского языка эпохи (сюда относятся не только устойчивые

² См. об этом: В. И. Щеголкина, Лексика «Книг Поганкина» — памятника псковской письменности XVII в. АКД, Самарканд, 1975, стр. 8.

формулы, но и устойчивые словосочетания, составляющие начальный протокол, формулу просьбы и другие элементы формуляра, титул адресата, формула вассальной зависимости, челобитье и т. д.).

Экспрессивность — основное отличие челобитных от других видов деловых документов. В качестве экспрессивных элементов привлекались средства церковной письменности, деловой письменности, лексики и фразеологии обиходно-разговорной речи.

Книга С. С. Волкова — это пока только введение в изучение лексики русских челобитных XVII в., но введенное важное и необходимое для решения многих вопросов истории словарного состава деловых памятников.

Ф. П. Сороколетов

[С. И. Котлов. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. — М., «Наука», 1974. 359 стр.]

Проблемы формирования московского говора как говора центра русского национального государства, как говора, во многом определившего характер устной русской литературной речи эпохи национального развития, — эти проблемы уже давно находятся в центре внимания русистики. Поставленные еще А. А. Шахматовым, они в последующем развитии науки об истории русского языка по существу рассматривались в свете тех их решений, какие были намечены Шахматовым. Сущность шахматовской концепции, повторявшейся и в ряде моментов развивавшейся в работах советских лингвистов, как известно, заключается в том, что московский говор, исторически выделившийся из состава диалекта Ростово-Суздальской Руси, признается в своей основе северновеликорусским, лишь постепенно менявшим свой облик под влиянием южновеликорусского наречия, носители диалектов которого все более и более пополнили население Москвы. В связи с этим московский говор постепенно превращался в средневеликорусский, соединявший в своей структуре северновеликорусские и южновеликорусские особенности. Однако процесс складывания единого московского говора, средневеликорусского по характеру, шел очень медленно: не только в XIV, но и в XV в. «в Москве... одни окали, другие акали» (А. А. Шахматов); в XVI в. аkanie укрепляет свои позиции, а в XVII становится господствующей нормой говора Москвы. Иначе говоря, согласно этой концепции, формирование единого московского койне должно быть отнесено к эпохе XVII в., по крайней мере ко времени царствования Алексея Михайловича.

Надо иметь в виду, что, как это само собой разумеется, вопросы становления единого московского койне, и, в частности, укрепления в Москве аkanie как типичной черты московского говора, решались на основе показаний памятников письменности московского происхождения. С этой точки зрения, равные факты отражения аkanie в московских памятниках, прежде всего в евангелиях, а также в некоторых грамотах, — факты, относящиеся к XIV — XV вв., справедливо рассматривались как свидетельства наличия в Москве акающего населения, но их относительная редкость вызвала сомнения в том, что аkanie в эти периоды времени уже стало нормой московской речи. Вероятно, в определенной степени здесь сказался и авторитет Шахматова, отрицавшего существование московского койне в XV и даже в XVI вв. Во всяком случае, до последнего времени положение о том, что о московском койне, характеризующем единством прежде всего в области фонетики, — факты, относящиеся и являющиеся средневеликорусским по характеру, можно говорить лишь применительно к XVII в., было широко представлено как в специальной, так и в учебной литературе.

Издание книги «Московская деловая и бытовая письменность XVII века» (1968) позволило С. И. Котлову не только вернуться вновь к проблеме формирования московского говора и характерных процессов, определяющих это формирование, но и поставить вопрос о пересмотре некоторых общепринятых положений, связанных с решением данной проблемы. Нет сомнений в том, что постановка этого вопроса вполне закономерна, ибо в

руках исследователя оказался такой материал, каким не располагали лингвисты, занимавшиеся ранее историей говора Москвы. Не случайно поэтому С. И. Котков начинает свое исследование «Московская речь в начальный период становления русского национального языка» не только с критического обзора научной литературы, посвященной истории московского говора, но и с подробного описания используемых им источников.

Проблема источников в русской исторической диалектологии, т. е. источников, которые могут дать неоспоримые свидетельства о характерных чертах того или иного говора, той или иной территориальной единицы на определенном этапе истории, как известно, решается не всегда просто и легко. Ведь в этом случае исследователь должен быть уверен, во-первых, в том, что изучаемый им памятник письменности действительно создан в данное время и на данной территории, а во-вторых, в том, что писец, создавший данный памятник, действительно являлся носителем изучаемого говора, а не представителем говора другой территории. Эти доказательства не всегда легко, да и не всегда вообще возможно найти, ибо даже если можно установить, что, скажем, памятник написан в Москве, то вопрос о диалектной принадлежности писцов может оказаться неразрешимым. Учитывая это обстоятельство, С. И. Котков совершенно правильно отводит много места подробной характеристике привлекаемых им письменных источников и личности писцов этих документов. Проведенное им изучение источников с указанной точки зрения со всей очевидностью показало, что они могли быть привлечены для намеченного исследования, ибо действительно были созданы в Москве писцами-москвичами. Надо сказать, что исследования С. И. Котковым московские документы представляют несомненную ценность для решения поставленных задач, связанных с реконструкцией фонетических и морфологических особенностей говора Москвы XVII в., ибо являются памятниками бытового характера, в достаточной степени отражающими живую московскую речь. Различного рода «граммотки», записи, расспросные речи, «сказки» и т. п. — это, как известно, наиболее надежные источники для изучения явлений и процессов фонетического и морфологического характера, определяющих структуру русской разговорной речи прошлых периодов ее истории. Поэтому нет и не может быть серьезных сомнений в том, что данные, извлеченные из исследованных С. И. Котковым памятников, действительно могут считаться достоверными, достаточно полно отражающими московскую речь XVII в. В этом плане важно упомянуть о том, что в приложении к рецензируемой книге

С. И. Котков привел большое количество текстов, подобных исследованным, и читатель может сам убедиться в том, что эти тексты являются надежным источником для изучения истории говора Москвы.

В книге С. И. Коткова выделяются две основные части: в одной, пожалуй, более важной и более цельной, рассматриваются фонетические явления, в другой — морфологические.

В области фонетики основное внимание уделено проблеме аканья и вопросу о судьбе звука, обозначаемого буквой *ѣ*. Проанализировав большой и интересный материал привлеченных памятников, С. И. Котков устанавливает, что московской речи XVII в. в области безударного вокализма после твердых согласных было свойственно аканье, а после мягких — провяношение, близкое к иканью. Следует признать, что материал исследованных автором памятников не вызывает серьезных сомнений в тех выводах, которые сделал С. И. Котков на основе его анализа: характер отклонений от орфографии в области написания букв, обозначающих безударные гласные, вполне определенно доказывает наличие аканья и иканья в говоре писцов этих памятников, а тем самым — и в московской речи.

Вместе с тем С. И. Котков выдвигает принципиально новую идею о формировании московского койне не в XVII в., а в более ранний период. Оспаривая выводы тех исследователей, которые находят факты мена букв *а* и *о* в памятниках XIV — XV вв., стремились интерпретировать их как фонетически недостоверные и лишь в редких случаях принимали их за отражение аканья, С. И. Котков пишет: «... есть основание думать, что в XIV — XV вв. аканье в московском говоре имело гораздо большее распространение, нежели то, какое рисуют московские евангелия, да в известной степени и грамоты московских князей» (стр. 54). Здесь, в этом положении, нет еще принципиального расхождения С. И. Коткова с предшествующими исследователями, ибо наличие аканья в Москве XIV — XV вв. никем не отрицалось, а вопрос о большем или меньшем его распространении не поддается решению по данным письменности, и эта проблема остается открытой. Принципиальное расхождение выявляется тогда, когда С. И. Котков подготавливает свои наблюдения над явлениями безударного вокализма: «в XVII в. постоянный состав московского населения обладал вполне однородным безударным вокализмом, знаменующим существование в Москве в то время сложившегося койне, притом настолько стабильного, что предположение о его формировании в XVI столетии, а не гораздо ранее, представляется совершенно несостоятельным»

(стр. 100). Итак, не в XVII и даже не в XVI, а по крайней мере уже в XV в., по мнению С. И. Коткова, в Москве сформировалось койне, общая единая разговорная московская речь с акающим вокализмом. С нашей точки зрения, это положение автора является дискуссионным.

Во-первых, даже если признать, что все случаи менх букв *a* и *o* в безударных слогах в памятниках XIV — XV вв. имеют под собой фонетическую основу — неразличение в произношении соответствующих гласных (что, вообще говоря, с точки зрения строгой методики интерпретации фактов письменности едва ли может быть принято), — то и тогда таких случаев окажется слишком мало для признания не только «нормативности» аканья в Москве XV в., но и его «гораздо большего» распространения. Во-вторых, для утверждения, что аканье было чертой московского койне в XV — XVI вв., необходимо иметь не просто недостаточное количество фактов, зафиксированных в памятниках и лингвистически достоверных, но необходимо иметь памятники *разных жанров*, принадлежащие *низам*, речь которых отражала бы говор разных *социальных слоев* Москвы. Однако и этого условия у историков русского языка нет. И поэтому вопрос о том, когда и как сформировалось московское койне, с какого периода времени об этом можно с достаточной долей вероятности говорить, остается по-прежнему неясным. Убедительность критики взглядов предшествующих исследователей этой проблемы, которая представлена в книге С. И. Коткова к сожалению, сама по себе еще не может быть доказательством правильности новой гипотезы, ибо эта последняя нуждается в серьезной поддержке фактами.

Точно так же, как явления безударного вокализма, автор подробно и скрупулезно анализирует характер гласного, обозначаемого буквой *ѣ*, как это можно установить по данным изучаемых памятников. Причем и этот вопрос рассматривается на фоне критического разбора предшествующих исследований, посвященных данной проблеме. Привлеченные С. И. Котковым московские памятники представляют вновь значительный и интересный материал по истории [ѣ]. Сгруппировав этот материал и тщательно его проанализировав, автор приходит к заключению, что в XVII в. фонема [ѣ] в московском койне «выступала в виде гласного несколько более суженного, нежели гласный *э*», только в позиции под ударением и что эта фонема не была дифтонгической; в безударных же слогах «произношение *ѣ* совпадало с произношением *э*» (стр. 157). С этой точки зрения, совершенно справедливо С. И. Котков ставит в связь изменение безударного [ѣ] > [e] с общей редукцией безударных

гласных в московском говоре, т. е. с акающим характером этого говора, что сближает его в широком плане с южновеликорусскими диалектами.

Таким образом, С. И. Котков предполагает различие в судьбе [ѣ] в московском говоре в зависимости от его ударности или безударности: под ударением это был особый звук, отличный от [e], а без ударения он испытывал те же изменения, что и другие гласные верхнего подъема (правда, в рецензируемой книге нет достаточно четких указаний, позволявших бы установить, произносился ли на месте безударного [ѣ] звук [e] или [ѣ] и [e] равно переживали изменения в сторону *яканья*). С этими выводами автора можно согласиться, однако вместе с тем вызывает сомнение его утверждение, что сохранение [ѣ] как особого звука в конце XVII в. допускает возможность предположить его сохранение и в XVIII столетии (стр. 160). Ссылаясь на известные положения Ломоносова и Сумарокова о различении [ѣ] и [e] и привлекая дополнительно авторитет А. А. Барсова, С. И. Котков считает возможным трактовать их слова как свидетельства действительно различного произношения этих двух гласных в Москве XVIII в. Однако, как известно, и Ломоносов, и Барсов явно различали «просторечие», т. е. живую речь Москвы, и требования литературной нормы произношения; ср. у Ломоносова: «... буквы *е* и *ѣ* в просторечии едва имеют чувствительную разность, которую в чтеии и весьма явственно слух разделяет и требует в *е* дебелисти, в *ѣ* тонкости» («Российская грамматика», § 104; разрядка наша. — В. Н.). Барсов же писал о *е* и *ѣ* в грамматике для московских гимназий, т. е. в языке, по которой учатся правильно и в театру и в оному произношению, и специальное разъяснение разницы в произношении *ѣ* и *е* могло оказаться необходимым только потому, что обучающиеся не слышали, а следовательно, и не произносили эти два звука различно. Московская речь XVIII в., по всей вероятности (во всяком случае, это более вероятно, чем предположение С. И. Коткова), уже не знала различия между [ѣ] и [e]: под ударением здесь произносился один гласный, а без ударения оба они переживали одинаковые изменения.

Рассмотрение явлений в области морфологии С. И. Котков предваряет весьма существенными общими положениями, определяющими все его дальнейшее изложение. Первое из этих положений заключается в том, что, по словам С. И. Коткова, «утвердившееся в науке мнение, что фонетика и морфология русского языка к XV — XVI вв. в общем уже сложились и потому в более позднее время каких-либо существенных изменений в развитии его и звукового и грамматиче-

ского строя уже не происходило» (стр. (стр. 137), — это мнение не может считаться достаточно доказанным. Однако сразу же надо сказать, что историки фонетической и морфологической систем русского языка никогда не говорили о том, что эти системы не развивались в периоды после XV — XVI вв. Речь всегда шла о том, что к XV — XVI вв. фонетика и морфология русского языка уже завершили свое становление во всех их основных, принципиальных сторонах, что после этого периода происходило и происходит развертывание и совершенствование систем и заложенных в них тенденций, но что в поздние периоды фонетика и морфология русского языка не переживали таких «катаклизмов», какие они знали раньше (ср. хотя бы падение редуцированных в фонетике и историю видо-временной системы в глаголе).

Второе общее положение С. И. Коткова, пожалуй, более справедливо; оно заключается в том, что необходимо различать историю московского говора и историю формирования устной литературной речи, ибо московский говор явился основой устной литературной речи... не как неделимое целое, не во всем своем составе, а в своих основных элементах и свойствах» (стр. 188). Это с одной стороны. С другой же — важно и то, что отношения говора Москвы к говорам Подмосковья, которые часто представляются как отношения одностороннего влияния со стороны Москвы, в действительности были отношениями взаимодействия, хотя и далеко не равноправного» (стр. 188).

С точки зрения этих двух исходных положений С. И. Котков рассматривает ряд морфологических явлений, нашедших свое отражение в изучаемых им памятниках московской письменности. Наибольшее внимание при этом уделено некоторым надежным формам существительных (род.-вин.падеж одушевленных существительных, род.-предл. падеж на -у, род., дат. и твор. падежи мн. числа),

а также в меньшей степени категории рода, инфинитиву, категории вида и времени, деепричастиям и некоему др. Уже само перечисление рассматриваемых явлений свидетельствует о резкой «набирательности» фактов, о том, что анализируются лишь определенные явления в области морфологии, те явления, которые могут показать отличия московского говора XVII в. как от современной устной литературной речи, так и от соседних говоров той же прошлой эпохи. С. И. Котков обнаруживает много интересных фактов, дающих ему возможность установить своеобразие московского говора XVII в. как самостоятельной языковой единицы в сравнении с южнославянскими говорами и говорами Подмосковья. Здесь высказан ряд важных положений, уточняющих наши представления об истории отдельных морфологических форм, об их состоянии в языке Москвы изучаемого периода, о соотношении этих форм с соответствующими формами в иных русских говорах; и здесь же, как и вообще во всей книге, изложение ведется в открытой или скрытой полемике с ранее высказанными взглядами.

Книга в целом написана ясно и просто, формулировки автора точны и определены, однако в то же время в книге есть и ненужные повторения (например, два раза излагается мнение Л. Л. Васильева о большей степени мягкости согласных перед *ь*, чем перед *е*), и ненужные отклонения от изложения (например, едва ли в памятниках Москвы XVII в. следовало искать отражение чоканья и чоканья), и просто неточности в интерпретации фактов. Однако все эти недоработки не влияют на общее хорошее впечатление от книги С. И. Коткова, являющейся несомненным вкладом в науку об истории русского языка, в решение очень большого и сложного вопроса о формировании и развитии московского говора.

В. В. Иванов

Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. — М., «Наука», 1973. 351 стр.

Вышедшая в свет накануне 1974 г. рецензируемая книга Г. А. Золотовой уже приобрела известность среди русистов и справедливо расценивается как одна из значительных работ по синтаксису русского языка, появившихся в последнее время¹. Эта книга, разрабатывающая функциональный подход

к изучению языковых фактов, представляет двойной интерес — как в плане обсуждения конкретных проблем теории русской грамматики, так и в общелингвистическом отношении. В последние годы лингвисты много и охотно говорят о функциональном подходе к изучению языка, почти так же охотно, как лет пятнадцать тому назад писали о структурном анализе языка. И так же как это было в свое время с термином «структура», в понятие «функция» вкладывается разнообразное лингвистическое

¹ См., например: П. А д а м с е ц, [реп. на кн.:] Г. А. Золотова, Очерк функционального синтаксиса..., «Československá rusistika», 1975, 1.